

© 2009 г. В.С. ПАНФИЛОВ

КОНЪЮНКТЫ И ПРЕДЛОГИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Я постараюсь говорить конкретнее, ибо считаю, что мысль простая, но выраженная честно, полезнее туманных намеков.

Р. Фейнман. Характер физических законов

Конъюнкты и предлоги входят в разряд синтаксических служебных слов. Традиционные классификации последних страдают серьезными недостатками. В статье отмечаются эти недостатки и предлагаются способы их преодоления. Выбор конъюнктов и предлогов в качестве иллюстративного материала объясняется тем, что этим словам и связанной с ними проблематике уделялось сравнительно мало внимания в отечественной литературе.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА. КЛАССИФИКАЦИЯ

Под синтаксическими служебными словами имеются в виду грамматические классы, традиционно именуемые предлогами и союзами. В традиционных классификациях эти грамматические классы не выступают как противопоставленные один другому в целом, ибо сочинительные союзы противопоставляются предлогам по типу связи, а подчинительные – по типу связываемых элементов [Никитина 1959: 113]. Если при сочинении служебное слово оказывается способным устанавливать связь как между словами, так и между предложениями, то в рамках традиционного подхода тип связываемых элементов считается irrelevantным для грамматического статуса служебного слова: русское «и» трактуется в качестве союза как в примерах типа *Он и она пошли в кино*, так и в примерах типа *Он пошел в кино, и она пошла вместе с ним*. В сфере подчинения господствует, однако, прямо противоположный подход. Критикуя традиционную точку зрения, согласно которой англ. *for* в примере *He laughed for joy* считается предлогом, а в примере *He laughed for he was glad* – союзом, О. Есперсен отмечает, что различие между двумя примерами состоит только в характере добавления к *for*, и так называемый союз является фактически «предлогом к предложению» [Есперсен 1958: 97–98].

В русской грамматической традиции предлог – это синтаксическое служебное слово, создающее подчинительную форму знаменательного слова (точнее – участвующее в ее создании наряду с падежом). Все остальные синтаксические служебные слова (создающие сочинительную форму слова, сочинительную форму предложения, подчинительную форму предложения) именуются союзами. При таком подходе понятийное содержание термина «союз» не то чтобы «затемнено», как полагают некоторые авторы [Черемисина, Колосова 1987: 139], но выражено логически не лучшим образом.

Итак, при классификации синтаксических служебных слов существенны характер связи (сочинение, подчинение) и тип связываемых элементов (слова, предложения). Неявным образом учитывается также упомянутое выше материальное тождество служебного слова при обслуживании разных типов связываемых элементов.

При рассмотрении типов связи мы исходим из того, что сам факт наличия связи между знаменательными словами, а также между знаменательным словом и служебным, может быть надежно установлен с помощью операциональной процедуры [Панфилов 1993: 58, 59]. Кроме того, сейчас нас интересует не сочинение и подчинение вообще, но лишь те их разновидности, в которых соответствующие связи маркированы с помощью служебных слов. В таком случае сочинение – это связь, в которой маркирована синтаксическая однофункциональность элемента по отношению к другому, а подчинение – это связь, в составе которой маркирована синтаксическая функция элемента по отношению к другому.

Сочинительная связь – это связь двух (в минимальном варианте) синтаксически равноправных элементов, потенциально или реально выступающих в одной и той же синтаксической функции по отношению к третьему. При межсловных связях это соподчинение третьему элементу обычно является реализованным, хотя и возможны случаи, когда оно выступает лишь как потенциальное, например, в заглавиях: «*Война и мир*». Соподчинение предложений, наоборот, чаще выступает как потенциальное, хотя реализация его, в принципе, возможна: *Знаю, ты не прав, и он тоже не прав.*

Подчинительная связь – это связь двух синтаксически неравноправных элементов, из которых один выступает в некоторой синтаксической функции по отношению к другому.

Операциональное разграничение сочинения и подчинения можно произвести с опорой на понятие обратимой конструкции. Конструкция, в составе которой синтаксическая связь между двумя элементами маркируется с помощью синтаксического служебного слова, является обратимой, если связываемые элементы допускают перестановку относительно служебного слова: *я и ты* → *ты и я*.

Обратимость есть *формальный* признак сочинения. При ее констатации не принимаются во внимание коммуникативный и узуальный аспекты. Это важно подчеркнуть, т. к. будучи, как правило, денотативно иррелевантной, обратимость сплошь и рядом оказывается под действием коммуникативного или узуального запрета. Так, на уровне структурного синтаксиса, при рассмотрении соответствующих конструкций вне контекста, вполне корректно преобразование *Он лентяй, но умница* → *Он умница, но лентяй*, тогда как на коммуникативном уровне доминирование второго из противопоставляемых элементов задается служебным словом вполне однозначно: *С заданием он справится – он лентяй, но умница / С заданием он не справится – он умница, но лентяй* [Санников 1986: 435, 440]. Формально возможное преобразование русского разговорного клише *стыд и позор* → *позор и стыд* находится под действием узуального запрета.

Представляется как бы само собой разумеющимся, что обратимость предполагает денотативное тождество исходной и производной конструкций. На самом деле сочинительная связь в этом плане градуальна.

Сильный вариант – конструкции полностью совпадают по денотату: *я и ты* → *ты и я*.

Средний вариант – конструкции совпадают лишь по суммарному денотату, что характерно для конструкций со значением последовательности действий. *Надел пальто и вышел на улицу* – не то же самое, что *Вышел на улицу и надел пальто*, однако в обоих случаях итоговая ситуация одна и та же: субъект действия и в пальто, и вне дома.

Слабый вариант – формально возможное преобразование ведет к утрате исходной семантики, что характерно для разного рода оценочно-сопоставительных конструкций: *Чем дальше в лес, тем больше дров* → (?) *Чем больше дров, тем дальше в лес*.

Говоря о «связываемых элементах» обычно имеют в виду, что синтаксическая связь может быть установлена либо между словами, либо между предложениями. Фактическое положение вещей несколько сложнее этой картины, т.к. возможна еще и

связь слова с предложением (Я опоздал *из-за тебя*), а также зависимость предложения от слова (Знаю, что *сегодня холодно*), поэтому более корректной представляется постановка вопроса не о связываемых элементах вообще, но лишь о том из них, который входит в состав аналитической формы с участием синтаксического служебного слова (об аналитической, в частности, синтаксической форме слова см. [Панфилов 1993: 58–66; 2003: 67–68]). Так, относительно китайского сочетания *gēn nǐ zǒu* «идти с тобой» будем говорить, что в нем представлена связь глагола *идти* с синтаксической формой слова *ты*. Соответственно, в примере *yǐnwèi xià yǔ*... «так как идет дождь...» представлена некоторая синтаксическая форма предложения *xià yǔ* «идет дождь». Логически корректный подход к классификации синтаксических служебных слов должен ориентироваться на тип связи и характер обслуживаемого элемента как непересекающиеся признаки.

Например, в качестве первого шага синтаксические служебные слова подразделяются на сочинительные и подчинительные, затем в рамках каждого из этих разрядов выделяются показатели, оформляющие только слова, оформляющие только предложения, и безразличные к типу обслуживаемого элемента, в равной мере способные оформлять как слова, так и предложения. Эта схема вполне может претендовать на универсальность как формально-логическая классификация, однако поскольку лишь некоторая часть языкового материала поддается безупречному логическому анализу, нетрудно предположить, что данная схема будет подвергаться определенным деформациям под воздействием конкретного материала. Предложенная классификация безупречно подходит к вьетнамскому языку [Панфилов 1993: 248], однако ее применение к китайскому материалу, не обладающему столь же высокой степенью логичности, сказалось бы на продуктивности конечного результата. В китайском языке не соблюдаются дистрибутивные условия, которые в нашей классификации содержат определения «только» и «в равной мере». Кроме того, рубрика «слова, способные оформлять как слово, так и предложение» выглядит в китайском языке, если можно так выразиться, неубедительно. В количественном отношении (около десятка слов) она несопоставима с другими группировками. В качественном плане безоговорочно в равной мере оформлять как слова, так и предложения могут разве что разделительные *huòzhe* и *háishi*.

Деформация, привносимая в исходную схему китайским материалом, сводится к тому, что классификация по потенциальным возможностям (вьетнамский вариант) заменяется классификацией по доминирующей функции, так что формулировка, к примеру, «служебное слово оформляет имя» означает, что назначение служебного слова либо исчерпывается оформлением имен, (как у предлога *gēn* «с»), либо является его явно доминирующей функцией (как у предлога *chúle* «кроме»). Послелого зачисляются в разряд оформителей имен на том основании, что любой послелог способен оформлять имя, но лишь единичные послелого (*qián* «до», *hòu* «после») способны, кроме этого, еще и к оформлению предикативов. Подобные индивидуальные особенности должны оговариваться при рассмотрении конкретного материала соответствующих рубрик.

Описание потенциальных возможностей служебного слова можно упростить, воспользовавшись приемом ранжирования связей. Так, оформление предложений считается более высоким по рангу, чем оформление слов, т.к. предложение может быть сведено к именному или предикативному эллипсису. Таким образом, формулировка «служебное слово оформляет предложение» не исключает для данного слова возможности оформлять имена или предикативы.

Оценка по доминирующей функции и оценка по потенциальным возможностям — это две независимые, логически равноправные оценки, которые, в принципе, могут оказаться одинаково допустимыми для какого-либо служебного слова. Например, слово *duì* «≈ относительно...» по признаку доминирующей функции должно относиться к оформителям имен (*tā duì wǒ yī xiào* «Она мне улыбнулась»), а по признаку потенциальных возможностей — к оформителям предложений: *zhèyang, duì wǒ měitiān wǎnshang*

pǎochūqù, tāmen sīháo bù zhùyì «Таким образом, на мои вечерние побеги (букв.: я – каждый день – вечером – убежать) они не обращали ни малейшего внимания». В подобных случаях возможность свободного логического выбора любого из подходов переводит решение вопроса в плоскость практической целесообразности, позволяя каждый раз придерживаться удобной точки зрения.

При терминологическом оформлении классификации синтаксических служебных слов разумный компромисс между логической строгостью и традиционным словоупотреблением может быть достигнут за счет введения специального термина (конъюнкты) для обозначения синтаксических служебных слов, создающих сочинительную форму знаменательного слова (*hé* «и», *huò* «или»...). В остальном традиционная терминология остается без изменений: предлоги и послелогои – служебные слова, создающие подчинительную форму знаменательного слова, сочинительные и подчинительные союзы – служебные слова, создающие соответствующую форму предложения.

На основании изложенного систему синтаксических служебных слов китайского языка в самом общем виде можно представить следующим образом:

Сочинительные служебные слова

Оформляют слова
(конъюнкты)

Оформляют предложения
(союзы)

Подчинительные служебные слова

Оформляют слова
◇ предлоги
◇ послелогои

Оформляют предложения
◇ оформители главных
◇ оформители придаточных

КОНЪЮНКТЫ

К о н њ ю н к т ы в грамматическом плане естественно подразделяются на именные (оформители имен) и предикативные (оформители предикативов). Конъюнкты, способные оформлять только имена, едва ли не исчерпываются словами *yǐ* «и» и *jí* «а также», составляющими принадлежность книжного стиля. Для первого типично соединение двух имен (*zhànzheng yǐ héping* «Война и мир»), тогда как служебное слово *jí* «а также» обычно помещается перед последним, коммуникативно менее важным, членом именного ряда: *Gāngtiě, meitàn, shíyóu, diànlì jí qíta gōngyède shēngchǎn jìhuà* «Планы в металлургической, угольной, нефтяной и других отраслях промышленности».

Служебное слово *hé* «и» оформляет преимущественно имена (*huā hé shuǐguǒ* «цветы и фрукты»). Иногда подчеркивается, что для этого слова невозможно соединение двух предикативов [Tóng Huìjūn 1986: 111–112], однако данное утверждение нуждается в некотором уточнении. *Hé* «и» вполне естественно соединяет предикативы, имеющие именные омонимы и употребляющиеся просубстантивно (*ài hé zēng* «любовь и ненависть»). Соединение предикативов, не имеющих именных омонимов, для служебного слова *hé* «и», действительно, не характерно, однако все-таки не исключено, если речь идет о ситуациях, не локализованных во времени: *Zhè shìjìeshàng jiù zhǐ ta yige rén zài sòng nǐ hé děng nǐ huílái* (13, 545)¹

¹ В тексте статьи источник обозначается его номером в приведенном списке.

Источники примеров:

«Только она одна во всем мире провожает тебя и ждет твоего возвращения».

Разделительное *huò* «или», а также сложный конъюнкт *dài... lián...* «и» можно назвать предикативно-именным, т.к. оба они одинаково свободно соединяют как имена, так и предикативы; ср.: *yányǔ huò xīnqíng* «слова или чувства» / *tóngyì huò fǎnduì* «соглашаться или возражать»; *lián rén dài mǎ* «люди и лошади» / *lián shuō dài xiào* «говорить и смеяться».

Предикативные конъюнкты имеют по большей части соединительное значение, различаясь, если не считать строения (простые, сложные) дистрибутивно. Конъюнкт *bìng* «и» употребляется для соединения глаголов, как правило, – сказуемых, реже – для соединения предикативов, выступающих в качестве определений к глаголу: *huìyì tāolùn bìng tōngguòle jīnniánde gōngzuò jìhuà* «Совещание обсудило и одобрило план работы на этот год»; *ta xùnsùde bìng zhǔnquède huídále wèntí* «Он быстро и правильно ответил на вопрос». Соединение прилагательных осуществляется с помощью конъюнкта *ér* «и» (*yǒnggǎn ér jiǎzhì* «смелый и находчивый»), причем при двусложных прилагательных это слово, в принципе, факультативно, тогда как при односложных – обязательно.

Для соединения двух и более глаголов действия употребляются сложные конъюнкты *biān... biān* «и», *yīmiàn... yīmiàn...* (значение то же). Различие между ними, пожалуй, состоит в том, что первый соединяет одиночные глаголы, тогда как второй способен также соединять глаголы, сопровождаемые зависимыми словами (дополнениями); ср.: *Zánmen biān chī biān tán* (10, 159) «Мы будем есть и разговаривать» / *Wǒ yīmiàn chīfàn yīmiàn ba jīntiān shìqingde jìngguò gàosu tā* (11, 397) «Я ел и рассказывал ей, как оно все случилось сегодня».

Сложные соединительные конъюнкты *yòu... yòu...* и *jì... yòu...* оформляют прилагательные и глаголы не-действия. Для первого из них характерно то, что обслуживаемые слова не могут сопровождаться наречиями степени [Tóng Huijūn 1986: 74]: *yòu rè yòu rè* «душный и жаркий». Конъюнкт *jì... yòu...* «и» выделяет второе из соединяемых слов как коммуникативно более важное: *Wūli jì yīnlěng yòu cháoshǐ* «В комнате холодно, да еще и сыро».

ПРЕДЛОГИ

Предлоги китайского языка образуют многочисленные разряды, среди которых прежде всего выделяется обширная группа пространственно-временных: *zài* «в», *cháo* «в направлении», *wǎng* «к», *xiàng* «к», *cóng* (*dǎ, yóu*) «от», *zì* «от», *dào* «до», *jí* «до», *yánzhe* «вдоль».

Исходное значение предлога *zài* «в» – местонахождение, однако помимо места как такового (*zài hēibǎnshàng xiězì* «писать иероглифы на доске») этот предлог, в зависимости от сочетающегося с предложной конструкцией предикатива, может обозначать

1. Bā Jīn wénjì. Běijīng, 1958 (римская цифра обозначает том).
2. Cáo Yú jùběn xuǎn. Běijīng, 1954.
3. Dīng Líng. Tàiyang zhào zài Sānggān héshàng. Běijīng, 1950.
4. Féng Déyīng. Shān júhuā. Xià juǎn. Běijīng, 1991.
5. Luó Hóng. Shìqùde suìyuè. Běijīng, 1988.
6. Máo Dùn quánjì. Běijīng, 1984.
7. Shā Yèxīn. Shā jiào Xīn jùzuò xuǎn. Nánchāng, 1986.
8. Shí Nián. Duǎnpiān xiǎoshuō jì kān. Běijīng, 1985.
9. Wáng Wènshí. Fēngxuèzhì yè. Běijīng, 1959.
10. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (dìyī jí). Běijīng, 1984.
11. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (dìyī jí). Běijīng, 1985.
12. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (shàng). Běijīng, 1999.
13. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (zhōng). Běijīng, 1999.
14. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (xià). Běijīng, 1999.

также начальный (*zài qiángshang qí dīngzi* «выдернуть гвоздь из стены») или конечный (*diào zài shuǐlǐ qù* «упасть в воду») пункт движения. Впрочем, предложный статус слова *zài* в последнем примере может быть поставлен под сомнение (см. ниже).

При односложных глаголах, обозначающих статические ситуации (*zhù* «жить», *zuò* «сидеть», *shuì* «спать», *tǎng* «лежать», *pā* «лежать ничком», *piāo* «плавать»), оборот с *zài* «в» естественно располагается в постпозиции (*Tā zhù zài Běijīng* «Он живет в Пекине») и его инверсия обусловлена наличием распространителей при глаголе (*Tā zài Běijīng zhùle hěn jiǔ* «Он долго жил в Пекине»). Постпозиция предложного оборота после двусложных глаголов (*Liú xuésheng xuéxí zài Běijīng dàxué* «Иностранные студенты учатся в Пекинском университете») расценивается в лингвистической литературе как нововведение книжного языка, недопустимое в разговорной речи [Wáng Huán 1957: 25].

Предлоги *cháo*, *xiàng*, *wǎng* имеют общее значение «к, в направлении», различаясь дистрибутивно. Оборот с *cháo* употребляется только перед глаголом. [Lǚ Shúxiāng 1996: 93]: *Wǒ cháo jiāli zǒu qu* «Я направился к дому». В примерах с *cháo* возможна замена этого предлога предлогом *xiàng*. Обратная замена возможна не всегда, во-первых, потому что оборот с *xiàng* может занимать позицию после глагола (*bēn xiàng yuǎn fāng* «устремиться в дальние края»), во-вторых потому, что предлог *xiàng* может обозначать не только конечный пункт движения (или действия, реально связанного с направлением), но и адресата действия. Ср. примеры: *Dàjiā xiàng rénduīde zhōngxīn chōngqu* «Все устремились в центр толпы»; *Yào xiàng qián kàn, bù yào xiàng xiàmiàn kàn* «Надо смотреть вперед, не надо смотреть вниз»; *Wǒ xiàng nǐ xuéxí* «Я учусь у тебя».

Конструкция с предлогом *wǎng* употребляется после ограниченного числа односложных глаголов, вводя дополнение со значением конечного пункта; список этих глаголов приводится в [Lǚ Shúxiāng 1996: 480] *qiān* «переехать», *jì* «послать» (что куда), *fēi* «лететь», *táo* «убежать» и др. Обороты с этим предлогом могут употребляться и в предглагольной позиции, также обозначая конечный пункт: *Liǎngge rén wǎng wài ér zǒu* (1, II, 228) «Двое двинулись к выходу».

Следующий разряд пространственных предлогов составляют слова, объединенные общим значением исходной точки («от»): *cóng*, *yóu*, *zì*. Последнее из этих слов имеет книжный характер, а центральным в списке является предлог *cóng*. Его исходное значение – начальная точка в пространстве (*cóng zhuōshang diào xiàlái* «упасть со стола»), далее – начальная точка во времени (*cóng xiǎo huó zài yìqǐ* «с детства жить вместе»), начальное состояние (*cóng wú dào yǒu* «от небытия к бытию»), вплоть до последней стадии, которую весьма условно можно охарактеризовать как основу для последующих действий, но в этом значении связь с начальным пунктом уже не просматривается: *cóng lǐlùn shang jiǎng* «с теоретической точки зрения».

Конечная точка в пространстве и времени обозначается с помощью предлога *dào* «до»: *zuò dào shāfāshang* «усесться на диване»; *kū dào tiān míng* «проплакать до утра».

Субъектно-объектный разряд китайских предлогов включает слова: *gēn* «с», *hé* «с», *gěi* «для», *tì* «вместо», *yóu* (показатель субъекта), *yú* (показатель объекта), *ba* (*jiang*) (показатель объекта).

Значение предлога *gēn* – «совместный участник» в широком смысле слова, ибо конкретизация этого участника во многом зависит от значения предикатива, к которому относится предложная конструкция: *gēn tā zǒu* «идти с ним»; *gēn tā hézuò* «сотрудничать с ним»; *gēn tā zuò duì* «сопоставить с ним»; *gēn tā jiè qián* «одолжить у него денег»; *gēn tā dǎtīng* «узнать у него».

Предлог *gēn* «с» в известных пределах может быть заменен предлогом *hé*, который обладает более узким по сравнению с *gēn* значением, более или менее соответствующим русскому «вместе с...». Этот предлог обозначает, что оба участника совершают одно и то же действие, тогда как *gēn*, помимо этого значения, может обозначать разную роль участников в совершении действия, поэтому одинаково возможно *Wǒ gēn/hé tā hézuò* «Я сотрудничаю с ним», но если в примере *Wǒ gēn tā jiè qián* «Я одолжил у него денег» вместо *gēn* употребить *hé*, пример, скорее всего, будет понят в смысле «Я вместе с ним (у кого-то) одолжил денег».

Предлог *gěi*, обозначающий адресата действия (кому?) или заинтересованное лицо (для кого?) происходит от глагола *gěi* «давать» (*Wǒ gěi nǐ qián* «Я даю тебе деньги»), что до каких-то пределов помогает понять его значение и дистрибуцию. Прежде всего, это значение получателя при глаголах давания *sòng* «дарить», *huán* «возвращать», *mài* «продавать», *jiāo* «передавать», *liú* «оставлять», *fā* «выдавать», *jì* «посылать», *xiàn* «преподносить», *péi* «возмещать» и т.д. *Tā gěi wǒ sòng zhège dōngxi* «Она подарила мне эту вещь».

За пределами глаголов давания представлены самые разнообразные глаголы действия, совместимые с идеей адресата (делать что для кого). Все они составляют некую переходную зону в употреблении предлога *gěi* «для», поскольку образуемые с его участием предложные обороты оказываются при данных глаголах двусмысленными. Например, взятая вне контекста конструкция *gěi tā dǎ diànhuà* может означать либо «позвонить ему», либо «позвонить вместо него» и двусмысленность снимается только контекстом [Lǚ Shúxiāng 1996: 198].

Адресатом, как правило, выступает одушевленный предмет, хотя и для неодушевленных предметов эта семантическая роль не исключена: *gěi huāpíng huàn shuǐ* «сменить воду в цветочной вазе» (для цветочной вазы), *gěi wūzi shēng huǒ* «в комнате (для комнаты) развести огонь».

Дальнейшее развитие значения предлога *gěi* «для» ведет к завершающему шагу в последовательности «получатель – адресат – заинтересованное лицо». Заинтересованное лицо – это тот, в чью пользу (реже – против чьей пользы) совершается действие: *Gěi wǒ ba dēng niǎn xiǎole ba!* (2, 516) «Уменьшите мне свет в лампе».

В повелительных предложениях достаточно часто встречается оборот *gěi wǒ* букв. «для меня», передающий именно значение заинтересованного лица, более или менее соответствующее русским примерам типа *Ты мне поговори!*, *Смотри у меня!* В литературе отмечается семантическая опустошенность данного оборота [Liú Yuèhuā 1989: 169], несущественность для общего смысла высказывания [Yáng Xīn'ān 1960: 67], что не противоречит его модальной нагруженности: *Nǐ kuài gěi wǒ bì zuǐ!* (1, VI, 544) «Ты мне заткнись!»; *Nǐ gěi wǒ chūgù!* (8, 396) «Убирайся, кому говорят!».

Последний шаг, причем даже не в «семантическом самодвижении» предлога *gěi* «для», а скорее в его дистрибутивных особенностях – употребляясь без зависимого имени, лишь намекать на наличие заинтересованного лица, которое в таких случаях узнается только из контекста, а само слово *gěi* обретает статус показателя некоторой, довольно расплывчатой, глагольной категории (бенефактив?): *Wǒ qǐng ge jià, bàn diǎn sīshì. 204 cì chē, nín gěi jiēyījiē ba* (11, 501) «Позвольте мне отлучиться по личным делам. 204-й рейс Вы уж встретьте за [меня]».

Предлог *tì*, до известных пределов синонимичный предлогу *gěi*, не обладает, однако, семантическим и дистрибутивным многообразием последнего. Он имеет только два значения: «вместо» (основное) и «для» (менее характерное). В силу двусмысленности упоминавшегося выше примера *gěi tā dǎ diànhuà* «позвонить ему / вместо него» для однозначной передачи второго значения часто отдают предпочтение предлогу *tì*. В данном случае однозначность действительно снимается, однако сам по себе предложный оборот с *tì*, всегда располагающийся в предглагольной позиции, в принципе, может иметь и значение адресата. В первом из приводимых ниже примеров *tì* имеет отчетливое значение замещаемого лица, во втором – значение замещаемого лица и адресата выглядят в равной мере убедительно, тогда как в третьем представлено отчетливое значение адресата: 1) *Mèi, wèi shénme yào wǒ tì nǐ xiě?* (1, I, 244); «Сестра, почему нужно, чтобы я писал вместо тебя?»; 2) *Wǒ ba shǎ dū tì nǐ xiǎnghǎole* (9, 23); «Я за тебя/для тебя все продумал»; 3) *Jiějiemen dū hǎo, kěxī jiù wèi xiǎo hái men mángde hěn, bù néng duō tì wǒ xiě xìn* (7, 19) «Сестры у меня все хорошие, жаль только, из-за детей заняты очень, не могут мне часто писать».

Специфическая особенность предложенных оборотов с *tì* – их употребление в значении заинтересованного лица при глаголах, обозначающих внутреннее состояние

человека: *tì tā gāoxíng* «радоваться за него», *tì tā dānxīn* «переживать за него», *tì tā kěxi* «испытывать обиду за него».

Если отвлечься от предлога *yú*, имеющего широкий спектр значений и употребляющегося исключительно в книжной речи, то из числа субъектно-объектных предлогов осталось упомянуть разве что предлог *yóu*, вводящий агентивное дополнение (кем?): *Wóde qīnshì yóu wǒ zìjǐ zuò zhǔ* (1, IV, 336) «Мои личные дела решаются мной самим».

Следующий разряд предлогов можно назвать «инструмент – материал – сопровождающий фактор». Центральное место среди них занимает предлог *yòng*, могущий принимать любое из перечисленных значений: *yòng yàoshi kāi mén* «открыть дверь ключом»; *yòng máobù zuò xīfú* «сшить костюм из шерсти»; *yòng kǒuyīn shuō huà* «говорить с акцентом».

Предлог *ná* может иметь ослабленное инструментальное значение (*ná xiào dài tì kū* «смехом заменить слезы»), но дистрибутивное пространство соответствующих предложных оборотов намного уже по сравнению с *yòng*. При ограниченном числе предикативов, обозначающих внешние проявления психической деятельности, предложные обороты с *ná* обозначают повод для соответствующего действия: *ná tā kāiwánxiào* «подшучивать над ним»; *ná tā chūqì* «сорвать гнев на нем»; *ná tā kāixīn* «подтрунивать над ним».

К предлогам, обозначающим инструмент – материал – сопровождающий фактор, примыкают такие, которые обозначают основание, мотив, способ в широком смысле слова: *ànzhào jìhuà gōngzuò* «работать в соответствии с планом»; *gēnjù qíngkuàng juédìng* «решать по обстановке»; *kào fùmǔ shēnghuó* «жить за счет родителей».

Далее мы можем выделить небольшую группу делиберативных предлогов, обозначающих относительно чего или исключая что, делается сообщение: *guānyú* «относительно», *duìyú* «о», *zhìyú* «что же касается», *chúle* «кроме», *duì... (láishuō)* «относительно». Предлог *guānyú* «относительно», обозначая сферу действия, в более частном случае – предмет беседы, отличается от предлога *duìyú*, обозначающего объект отношения; это различие хорошо видно из сопоставления двух следующих примеров: *Guānyú wǒmende xuéxí fāngfǎ, lǎoshi shuō yǒu hěnduō máobīng* [Tóng Huijūn 1986: 86] «Относительно нашей методики обучения учитель заметил, что в ней много недостатков»; *Duìyú wǒmende xuéxí fāngfǎ, lǎoshi hěn mǎnyì* [Там же] «Нашей методикой обучения учитель вполне доволен».

Предлог *zhìyú* «что же касается» маркирует переход к новой теме, которой, как правило, сопутствует и новая рема. Эпизодически синтаксическим выражением темы может оказаться предложение.

Относительно предлога *chúle* «кроме / исключая» следует прежде всего заметить, что он может существовать в различных морфологических вариантах, в частности, в сложной форме, допуская различные комбинации первых и вторых компонентов: *chú (chúle, chúkai, chúku)... wài (yǐwài, zhīwài, érwài)*. При позиции в начале предложения или перед сказуемым предложный оборот может обозначать как добавление, так и исключение. Первое значение поддерживается словами *háizhì* «еще» и *yě* «также» перед сказуемым, второе – соответственно словами *dù* «все», *quán* «все» [Tóng Huijun 1986: 76]; ср.: *Cānjiā zhècì yìwù láodòngde, chúle sānbān, hái yǒu èrbān* [Zào jù cídiǎn 1991: 174] «На этот раз в добровольном труде, кроме третьей группы, приняла участие еще и вторая»; *Chú tā zhīwài, suǒyǒu nǚrén tā dū néng zhēnjìngde lǐzhìde duìdài* (13, 566) «За исключением ее, ко всем остальным женщинам он мог относиться спокойно и рассудительно».

При постпозиции к предикативу предложный оборот с *chúle* имеет только значение исключения (не считая ...), приобретая при этом оттенок некоторой оговорки по ходу дела: *Méiyǒu biéde shēngyīn chúle shuǐ dǎnde dīyǔ* (1, IV, 84) «Никаких звуков не было, кроме тихого плеска воды».

Предлог *duì* «в отношении» синонимичен предлогу *duìyú*, отличаясь от последнего преимущественно дистрибутивно. При глаголах с общим значением обращения к другому лицу семантика предложного оборота с *duì* варьируется от адресата до совмест-

ного участника, допуская в ряде случаев замену предлогами *gěi* «для» или *gēn* «с»: *duì tā tán zhège* «рассказать ему это»; *duì nǐ shāngliang zhèjian shì* «обсудить с тобой это дело»; *duì tā wēixiào* «улыбнуться ему». В остальных случаях этот предлог имеет значение, которое можно охарактеризовать как объект некоторого отношения: *duì tā kèqì* «быть вежливым с ним»; *duì tā yǒu yì* «быть равнодушным к ней»; *duì qí gǎn xìngqù* «испытывать интерес к шахматам». При некоторых глаголах (*liǎojiě* «понимать», *zhùyì* «обращать внимание», *rènzhēn* «серьезно воспринимать», *xiāngxìn* «верить», *guānxīn* «заботиться», *liúliàn* «вспоминать») возможна инверсия дополнения с помощью предлога *duì* по следующей модели: *Wǒ hěn xiāngxìn tā* «Я очень верю ему» → *Wǒ duì tā hěn xiāngxìn* «Я ему очень верю».

Предлог *duì* обеспечивает предложному обороту возможность выступать в функции определения к существительному: *duì nǐde qǐngqiú* «просьба к тебе», *duì tāde wūru* «оскорбление для нее», *duì tāde àiqing* «любовь к ней», *duì kǎoshìde jīngyàn* «опыт по части экзаменов», *duì tāde yìnxiàng* «впечатление о нем».

Предлог *ba* как по своей роли в синтаксической организации предложения, так и ввиду явной «экстравагантности» образуемых с его помощью предложных оборотов, заслуживает особого разговора. Наиболее типичный и сравнительно простой случай употребления данного предлога – инверсия дополнения в предглагольную позицию по модели: *Wǒ xiě xìn* «Я пишу письмо» → *Wǒ ba xìn xiěhǎole* «Я письмо написал». Хорошо известны и основные условия такой инверсии – детерминированность дополнения и финитность глагола: *Tā ba nèige chúnjiéde shàonǚde àiqing wánquán wàngdiào* (1, IV, 246) «Он любовь этой чистой девушки совершенно забыл»; *Tā ba zhège rén kànle xǔjiǔ* (1, I, 408) «Он этого человека долго разглядывал».

В коммуникативном плане назначение рассматриваемой инверсии – выдвижение в рему сообщения сказуемого, чем и обуславливается требование его финитности. Возможны примеры, когда глагол в конструкции с *ba* оказывается нефинитным, например, если исходное комплетивное сочетание располагается после модального глагола, однако и в подобных примерах соответствующий коммуникативный эффект полностью сохраняет свою силу: *Zìjǐ juéxìn yào wàngjì tā, ér tóngshí zìjǐ yòu pīnmìng bù kěnbā tā wàngjì* (1, I, 412) «Сам решил, что нужно забыть ее, и вместе с тем сам же никак не хотел ее забыть». Что касается детерминированности инверсируемого дополнения, то это требование может нарушаться, если высказывание в целом обозначает нечто неожиданное, произвольное, неконтролируемое: *Wǒ ba yīge huāpíng pèng dǎo le* «Я какую-то вазу разбил [Mǎ Xīwén 1987: 440]. Ср.: *Nǐ xiǎng zài zhèr ba jiào shuǐ gòu, huíjiā qù kàn shū* (13, 279) «Ты думаешь здесь выпаться [букв.: сон – спать – вдоволь, инверсия «пустого» дополнения], а домой идти книги читать?».

Помимо рассмотренных преобразований существуют регулярные преобразования конструкций с участием слов со значением неотчуждаемой принадлежности, выступающих в функции определения. В таких случаях инверсии в предглагольную позицию подвергается не дополнение, а определение к дополнению по образцу: *bō júzide pí* «очистить кожуру мандарина» → *bā júzi bō pí* «мандарин очистить от кожуры». Аналогичные примеры: *bā huāshēng bōdiào ké* «арахис очистить от скорлупы», *bā guōzi pèishàng gài* «кастрюлю накрыть крышкой», *bā tóngzi zhàchu yóu* «из тунга выжать масло», *bā xìnfēng tiēshàng yóu piào* «на конверт наклеить марку» [Xiào Fǔ 1956: 378]. Иногда подобные преобразования оказываются применимы к атрибутивным сочетаниям без участия слов со значением неотчуждаемой принадлежности: *bā shìqíng xiě bàogào* «о событии написать доклад», *bā huāpíng huàn shuǐ* «в цветочной вазе сменить воду». Видимо, к данным примерам примыкает и нижеследующий, менее «прозрачный»: *Nǐ xiān bā zhè gāng xiǎng ge bànfǎ ba, zánmen yīwèi shìge xiǎo gāng, yě méi dài gēn shéng lái* (3, 440) «Ты бы придумала, как быть с этим чаном [букв.: этому чану придумай способ], мы думали, что он маленький, даже веревки не захватили».

Рассмотренные нами инверсии дополнений и определений являются инверсиями «справа налево», из послеглагольной позиции в предглагольную, точнее – в позицию между подлежащим и сказуемым. Существуют, однако, конструкции, применительно к

которым возможна постановка вопроса об инверсии «слева направо», из абсолютного начала предложения в позицию между подлежащим и сказуемым. Это происходит в тех случаях, когда в силу формальных особенностей предикатива соответствующий семантический акт может на синтаксическом уровне быть представлен как слово-тема. Например, в отличие от русского двухместного глагола «скрывать» (что от кого) китайский глагол *máng* является одноместным (*mángzhe tā* «скрываю от него»). Объект (что скрывается?) может быть выражен с помощью слова-темы, которое при изменении актуального членения высказывания допускает перемещение с помощью *ba* в позицию между подлежащим и сказуемым, обретая при этом грамматический статус дополнения: *zhè jiàn shì wǒ mángzhe tā* «Это дело я скрываю от него» → *wǒ ba zhè jiàn shì mángzhe tā* «Я это дело скрываю от него». Еще примеры: *tā ba liǎn kào zhe tā de liǎn* (1, II, 263) «Она свое лицо придвинула к его лицу»; *zhǔxí mǎshàng ba zhè ge tiān fù biǎojié* (1, I, 357) «Председатель сразу же этот вопрос поставил на голосование».

Предлог *ba* может также вводить факультативное дополнение с инструментальным значением, выступая в данном случае синонимом предлога *yòng*. Такое своеобразное употребление *ba* уже отмечалось в литературе [Liú Shirú 1960: 172]: *nǐ jiù ba ài nǐ nǚ de xīn qù ài tāmen dàjiā ba* «Ты любовью к своей женщине люби всех» [Там же]. Еще примеры: *wǒ ba liǎng shǒu zhēzhù liǎn* (1, I, 289) «Я закрыл лицо руками»; *zūfu ba shǒu zài fūqīn de jiān pāi le liǎng xià biàn yān le qì* (14, 3) «Дедушка пару раз похлопал рукой по плечу отца и перестал дышать».

Предлог *ba* может выступать в качестве факультативного оформителя дополнений со значением места при их расположении между подлежащим и сказуемым. В этих случаях предлог *ba* до известных пределов синонимичен предлогу *zài* «в». Ср.: *tā zài zhuōzishang huà le hǎoduō dào yīnzi* «Он на столе изобразил много узоров» (*zài zhuōzishang* «на столе» обозначение места «в чистом виде», возможный вопрос к высказыванию – «что он сделал на столе?»); *tā ba zhuōzishang huà le hǎoduō dào yīnzi* перевод тот же, однако предложный оборот с *ba* явно тяготеет к объектной семантике – «что он сделал со столом?». Как видим, различия весьма тонкие. Ср. еще примеры: *Wǒ ba liǎnshang guā le yī dào dà kǒuzi* «Я на лице во время бритья оставил большую рану» (что я сделал с лицом?); *Tāmen ba dìshang cǎi le xǔduō de kèng* «Они на земле затоптали много ямок» (что они сделали с землей?); *Wǒ ba chuānghushang tōng le liǎng ge yǎnr* «Я на окне проткнул два отверстия» (что я сделал с окном?) (примеры из [Lí Líndìng 1989: 299]).

Пожалуй, наиболее интересный и наиболее дискуссионный случай в употреблении предлога *ba* – факультативное оформление подлежащих в конструкциях с некоторыми непереходными глаголами по образцу: *tā bìng le* «Он заболел» → *ba tā bìng le* «≈ Его настигла болезнь». В литературе отмечается, что подобные конструкции с *ba* имеют каузативный оттенок и сам предлог допускает замену каузативными глаголами [Yán Kāidì 1983: 95; Jiǎng Shào yú 1997: № 4]. Тань Аошун пытается следующим образом передать специфику данных конструкций с помощью русских переводов: *Zěnme ba fàn rén pǎo le?* «Что сделали с заключенным, [что он смог] убежать?» [Тань Аошун 1995: 44]; *tā xiàqù le. Shénme a, ba tā xiàqù le* «– Он ушел (с политической сцены) – О чем ты говоришь, его ушли!» [Там же: 45].

В приводимых ниже примерах первые два довольно отчетливо демонстрируют каузативный оттенок рассматриваемых конструкций, т.к. содержат явное упоминание каузирующего фактора; последний пример менее определен в этом плане: *Záihuì jiù shì shíjǐ lǐ lù, bù ba nǐ lèisile* (7, 419) «Туда-сюда будет десять с лишним ли, не утомит ли тебя?»; *Shénme shì ba nǐ lè de?* «Что за дело тебя радует?»; *A, ba wǒ hún dū xià zǒule!* (5, 327) «Ой! Душу мою в пятки загнали!».

В настоящее время можно считать более или менее установленным круг глаголов, подлежащее которых, при его препозиции к глаголу, допускает оформление с помощью *ba* – это непереходные бытийные глаголы, в принципе допускающие постпозицию подлежащего: *lái* «приходить» (*lái le kè rén* «пришли гости»), *bìng* «заболеть», *sǐ* «умереть», *xiā* «ослепнуть», *lòu* «просочиться», *zhǒng* «опухнуть», *tā* «обвалиться»,

lán «сгнуть», *duàn* «порваться» и др. [Chén Yáng 1997: 404]. Представляется вполне очевидным, что конструкции с *ba* при подлежащем не имеют отношения к трансформационным преобразованиям, тем не менее предпринимались попытки интерпретировать их «по общему правилу» как особого рода инверсии. Конструкции с предподлежащим *ba* предлагается рассматривать как результат «возврата» подлежащего в предглагольную позицию, так что трансформационная история подобных конструкций имеет вид: *nà sāngē háizi bìnglè* «Те три ребенка заболели» → (*jīntiān bānli*) *bìnglè sāngē háizi* «(Сегодня в группе) заболели три ребенка» → *Ba sāngē háizi dū bìnglè* «Три ребенка заболели» [Chén Yáng 1997: 404]. Данная интерпретация не представляется убедительной. Если исходной считается конструкция с предглагольным подлежащим, как это можно заключить из представленной схемы, то вопрос о «возврате» подлежащего в эту позицию вообще не возникает. Если за исходную бытийную конструкцию принять структуру с послеглагольным подлежащим, то «возврат» подлежащего в предглагольную позицию, для всех без исключения глаголов, осуществляется простым перемещением подлежащего, и только для части глаголов оказывается допустимым, но вовсе не обязательным, наличие предлога *ba* при подлежащем.

Если в рассмотренных примерах с предподлежащим *ba* мы имеем дело с выражением факультативного квазикаузативного значения, то обязательное выражение этого же значения представлено в конструкциях с результативными глаголами, не допускающими послеглагольной позиции именного дополнения, в связи с чем данные конструкции также не подпадают под понятие трансформов: *zhè bāo yīshang ba wǒ xīlèile* «Эта кипа одежды меня утомила стиркой» (букв.: ...меня – стирать – утомлять) [Mǎ Xīwén 1987: 428]; *zhè huà ba sāngē rén dū tīngdāile* (8, 181); «От этих слов все трое остолбенели» (букв.: эти – слова – трех – человек – слушать – остолбенеть); *wǒ méi fǎzi ba bàodòng gāo chénggōng* (4, 62) «У меня нет способа привести восстание к успеху».

Для полноты картины нам осталось упомянуть еще один тип конструкций с *ba*, применительно к которым также не возникает вопрос о трансформационных отношениях. Такие конструкции образуют глаголы с общим значением «считать что чем» или «сделать что чем». В их составе дополнение с предлогом *ba* (или синонимичными ему в данном употреблении предлогами *ná, jiāng*) всегда предшествует глаголу и входит в его оптимальное окружение [Zhāng Zhigōng 1954: 60]: *nǐ ba shìqing kànde tài jiǎndānle* (6, IV, 152) «Ты слишком просто смотришь на вещи»; *tā ba wǒmen dū dāngzuò cǎobāo* (1, VIII, 132) «Он нас всех соломенными тюфяками считает»; *wǒ hǎo bāngzhù nǐ ba tā nòng dào shǒu* (11, 252) «Я помогу тебе прибрать ее к рукам».

В общелингвистическом плане весьма любопытны конструкции с некоторыми из рассматривавшихся выше предлогов отглагольного происхождения, привычно именуемых «глаголы – предлоги»: *zài* «находиться / в», *wǎng* «направляться / по направлению к», *xiàng* «направляться / в направлении», *dào* «приходить / до», *gěi* «давать / для». При употреблении перечисленных слов после глаголов, особенно односложных, возникает вопрос об их грамматическом статусе. Речь идет о конструкциях типа *tā zuòzàile chuángshang* «Он сел на кровать» (букв.: он – садиться – *zài* – показ. перфекта – кровать – верх). В подобных конструкциях глагол в сочетании с послеглагольным элементом могут быть истолкованы либо как результативная конструкция, в которой второй глагол обозначает результат действия, выраженного первым (сел [и] оказался на ...), либо как сочетание глагола с предложной конструкцией в постпозиции. Иными словами, элемент *zài* в приведенном нами примере может быть истолкован либо как глагол, либо как предлог. Это относится и к остальным словам из приведенного списка. Существуют доводы в пользу как глагольного, так и предложного характера рассматриваемых элементов. Эти доводы хорошо подытожены в [Янкивер 1965] и в несколько сокращенном виде могут быть представлены следующим образом.

В пользу предложного характера:

1) рассматриваемые элементы, стоящие в сочетании с именем перед глаголом, суть предлоги, поэтому и в позиции после глагола также являются предлогами;

2) рассматриваемые элементы в сочетании с именем можно переместить из постпозиции к глаголу в препозицию, где их принадлежность к предлогам не вызывает сомнений [Янкивер 1965: 99].

В пользу глагольного характера:

3) после рассматриваемых элементов может стоять глагольный суффикс *le* (см. приведенный пример);

4) рассматриваемые элементы составляют одну фонетическую единицу с предшествующим глаголом, пауза следует после этих элементов [Там же: 100].

Представляется, что все перечисленные доводы в той или иной степени уязвимы для критики.

Первый довод не безупречен чисто логически. С равным основанием можно сказать, что рассматриваемые элементы в позиции после глагола суть глаголы, поэтому и в предглагольной позиции также должны рассматриваться в качестве глаголов. Первый довод, видимо, исходит из предпосылки, что инверсия не может изменять категориальной (частеречной) отнесенности слова. Это представляется убедительным, если речь идет о сформировавшейся грамматической системе с ясно очерченными категориальными границами, но не применительно к процессу грамматикализации.

Второй довод является вариантом первого, подразумевая наличие сильной диагностической позиции, постановкой в которую проясняется природа сомнительных грамматических явлений. Однако, как первый, так и второй довод, по сути дела сводятся к постановке вопроса: может ли синтаксическая инверсия менять категориальную (частеречную) принадлежность слова? Применительно к процессу грамматикализации положительный ответ на этот вопрос не может быть категорически исключен. Правда, применительно к подобным случаям более корректно было бы говорить не об инверсии как таковой, а о различной позиции различных грамматических конструкций.

Третий довод можно было бы, в принципе, считать сильным свидетельством в пользу глагольного характера рассматриваемых элементов, однако приняв этот довод, мы должны либо признать, что линейное преобразование конструкции может вести к изменению категориальной отнесенности ее компонентов, либо отвергнуть трансформационные отношения в примерах типа: *wǒ jiāo gěi nǐ zhège rènwù* «Я поручаю тебе эту задачу» → *wǒ gěi nǐ jiāo zhège rènwù* «Я тебе поручаю эту задачу».

Что касается четвертого довода, то, пожалуй, он не слишком убедителен фактически: тесное фонетическое примыкание предлога к предшествующему глаголу – явление вполне возможное, хотя и свидетельствующее о некоторой специфике подобных предлогов: *wǒ wánquán méi yǒu xiǎngdào!* (12, 137) «Я совсем и не думал об [этом]!». В данном примере едва ли можно усмотреть результативную или иную связь между составляющими комплекса *xiǎngdào* «думать о...».

Поскольку в нашем материале явно представлен процесс грамматикализации некоторых знаменательных слов, целесообразно рассмотреть все стадии этого процесса.

I. Рассматриваемые слова могут быть самостоятельными глагольными сказуемыми: *tāde zuòwèi zài dìyī pái* (1, I, 358) «Ее место находится в первом ряду»; *diànchē dào le zhōngdiǎn* (1, III, 146) «Трамвай прибыл на конечную станцию»; *wǒ gěi nǐ qián* «Я даю тебе деньги».

II. Рассматриваемые слова употребляются после односложных глаголов, обнаруживая с ними семантическое согласование, что дает в итоге сочетание с результативным типом связи между составляющими [Янкивер 1965: 101]: *tiàozài* «прыгнуть в» (букв.: прыгнуть – оказаться в...), *diàozài* «уронить на...», *tǎngzài* «лечь на...», *zhànzài* «встать на...», *zǒudào* «подойти к...» (букв.: идти – прийти), *sòngdào* «проводить до», *jìdào* «послать куда», *jiāogěi* «передать» (букв.: вручить – дать), *huángěi* «вернуть», *sònggěi* «подарить».

Именно в данной сфере имеет место присоединение видо-временного *le* к результативному сочетанию при описании динамических ситуаций; ср.: *qiú luòzài shuǐli* «Мяч упал в воду», но *tā zhù zài Běijīng* «Он живет в Пекине».

III. Рассматриваемые слова, или по меньшей мере, некоторые из них, расширяя свою сочетаемость, начинают утрачивать семантическое согласование с предшествующим глаголом. Семантически здесь нет результативной связи, хотя формально допускается характерная для результативных конструкций форма возможности/невозможности: *zhǎo* «искать» → *zhǎodào* «найти» (*zhǎodedào* «иметь возможность найти»; *zhǎobudào* «быть не в состоянии найти»). Аналогично: *xiǎngdào* «подумать», *tīngdào* «услышать». Невозможно истолковать *zài* в нижеследующих примерах как результативный член, несмотря на послеглагольную позицию этого слова: *kàn zài zhīr miànshang* (12, 61) «Посмотри на лицо твоего племянника»; *yǒu yīge nīgū, céngjīng diàosī zài zhèli* (12, 72) «Когда-то одна монахиня здесь повесилась».

IV. Дальнейшая грамматикализация рассматриваемых элементов связана, во-первых, с развитием дополнительных значений, в частности, предела и степени (*děng dào sāndiǎn* «ждать до трех часов», *hē dào bànzui* «напиться до беспамятства»), которые лишь метафорически могут быть сопоставлены с исходными пространственными значениями; во-вторых, с переносом сочетания в предглагольную позицию, типичную для предложных оборотов.

Завершением рассматриваемого процесса следует, видимо, считать то, что некоторые сочетания односложных глаголов с *zài* и *dào* превратились в единые слова, отличные от исходных глаголов [Chǔ Zéxiáng 1998: 253]. Некоторые авторы рассматривают в качестве единых слов примеры *fēngěi* «выделить (что кому)», *màigěi* «продать (что кому)», *jìgěi* «отправить (что кому)», так что пример *gěi tā ná xíngli* «ему поднести багаж» не может интерпретироваться как трансформ примера *ná gěi tā xíngli* «поднести ему багаж» [Hú Zhú'ān 1960: 222–223]. Именно два последних трансформы, точнее – трансформы такого типа – являются поистине камнем преткновения для интерпретации рассматриваемого материала. Дело в том, что эта интерпретация не может быть окончательно сформулирована вне широкого теоретического контекста, и ключевой вопрос здесь – каков «удельный вес» трансформационных преобразований в грамматическом описании. Если исходить из того, что дескриптивный подход к китайскому материалу не может обойтись без подробной разработки трансформационного аспекта, то крайне нежелательны подходы, ведущие к отрицанию очевидной соотносительности конструкций. В конфликте теории и очевидности предпочтительнее попытаться скорректировать теорию. В нашем случае это можно сделать за счет терминологического уточнения. Введем понятие «включаемый предлог» – по аналогии с отделяемыми приставками немецкого языка. Логика данного подхода – та же самая, что и в нижеследующем рассуждении. Переходные глаголы выделяются по способности иметь дополнение, но в пассивных конструкциях переходный глагол утрачивает это свойство, продолжая оставаться переходным. Так и служебное слово: его главный признак – отделяемость, но из этого не обязательно следует, что данный признак сохраняется во всех ситуациях [Касевич 1988: 147].

Включаемый предлог – это такой предлог, который при описании динамических ситуаций способен столь тесно примыкать к односложному глаголу, что видо-временные показатели располагаются после этого двусложного сочетания. Немецкие отделяемые приставки, отделяясь от глагола, самостоятельно перемещаются по предложению, сохраняя при этом свой исходный грамматический статус. Приняв аналогичный подход к китайским включаемым предлогам, можно значительно упростить описание и обойти ряд вопросов, решение которых затруднительно с помощью традиционного понятийного аппарата. Подход, очень близкий к изложенному, но в менее строгом терминологическом оформлении, представлен в [Liú Dānqīng 2001: 397].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Есперсен 1958 – *О. Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Касевич 1988 – *В.Б. Касевич*. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Никитина 1959 – *Т.Н. Никитина*. Предлоги и союзы в древнекитайском языке // Проблемы востоковедения. 1959. № 4.
- Панфилов 1993 – *В.С. Панфилов*. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.
- Панфилов 2003 – *В.С. Панфилов*. Формализованный подход к выделению грамматических классов слов в китайском языке // ВЯ. 2003. № 6.
- Санников 1986 – *В.З. Санников*. Значение союза НО: нарушение «нормального» положения вещей // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
- Тань Аошуан 1995 – *Тань Аошуан*. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка). М., 1995.
- Черемисина, Колосова 1987 – *М.И. Черемисина, Т.А. Колосова*. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Янкивер 1965 – *С.П. Янкивер*. О грамматической природе *dao*, *цзай*, *гэи*, *сян* и *ван* в постпозиции к глаголу // Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1965.
- Chén Yáng 1997 – *Chén Yáng*. Míngcí duǎnyǔ de duōzhòng yíwèi xíngshì jí bazìjù de gòuzào guòchéng yǔ yǔyì jiěshì // Zhōngguó yǔwén. 1997. № 6.
- Chǔ Zéxiáng 1998 – *Chǔ Zéxiáng*. Dòngcíde kōngjiān shìyìngxìng qíngkuàng kǎochá // Zhōngguó yǔwén. 1998. № 4.
- Hú Zhú'ān 1960 – *Hú Zhú'ān*. Dòngcíhoude «gěi» de cìxíng hé shuāng bīnyǔ wèntí // Zhōngguó yǔwén. 1960. № 5.
- Jiǎng Shào'yú 1997 – *Jiǎng Shào'yú*. Bazìjù luèlùn // Zhōngguó yǔwén. 1997. № 4.
- Lí Líndìng 1989 – *Lí Líndìng*. Míngcí duǎnyǔ bǔyǔ jùxī // Zhōngguó yǔwén. 1989. № 4.
- Liú Dānqīng 2001 – *Liú Dānqīng*. Hànyǔ gěiyǔlèi shuāng jíwù jiégòude lèixíng xué kǎochá // Zhōngguó yǔwén. 2001. № 5.
- Liú Shìrú 1960 – *Liú Shìrú*. «Ba» hé «Yǐ» // Zhōngguó yǔwén. 1960. № 4.
- Liú Yuèhuā 1989 – *Liú Yuèhuā*. Hànyǔ yǔfǎ lùn. Běijīng, 1989.
- Lǚ Shúxiāng 1996 – *Lǚ Shúxiāng*. Xiàndài Hànyǔ bābái cí. Běijīng, 1996.
- Mǎ Xīwén 1987 – *Mǎ Xīwén*. Yǔ dòngjiéshì yǒu guānde mǒuxie jùshì // Zhōngguó yǔwén. 1987. № 6.
- Tóng Huìjūn 1986 – *Tóng Huìjūn*. Wàiguórén xúe Hànyǔ bìngjù fēnxī. Běijīng, 1986.
- Wáng Huán 1957 – *Wáng Huán*. Shuō «zài» // Zhōngguó yǔwén. 1957. № 2.
- Xiào Fǔ 1956 – *Xiào Fǔ*. «Hái yǒu» zhī lèide zhuījiā zuòyòng (fùshuō «lián» zì) // Zhōngguó yǔwén. 1956. № 4.
- Yán Kāidì 1983 – *Yán Kāidì*. Bazìjù wèiyǔzhong dòngzuòde fāngxiàng // Zhōngguó yǔwén. 1983. № 2.
- Yáng Xīn'ān 1960 – *Yáng Xīn'ān*. Shuō «gěi» // Zhōngguó yǔwén. 1960. № 2.
- Zào jù cídiǎn 1991 – *Zào jù cídiǎn*. Wáng Xīngyì zhǔbiān. Běijīng, 1991.
- Zhāng Zhìgōng 1954 – *Zhāng Zhìgōng*. Hànyǔ yǔfǎ chángshí. Běijīng, 1954.